

Ю.Ю. Комлев

ДЕВИАНТНОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭПОХУ HIGH-TECH, КОНСЬЮМЕРИЗМА И ГЛЭМ-КАПИТАЛИЗМА

DEVIATION AND CRIMES IN TIME OF HIGH-TECH, CONSUMERISM AND GLAMOUR CAPITALISM

Во введении подробно рассматриваются предпосылки, отличительные черты технологических изменений и рисков в современном мире, а также социальные проблемы, продиктованные их появлением, в девиантологическом контексте. Отмечается актуальность и малоизученность избранной темы исследования.

В обзоре литературы сообщается о круге источников, отобранных для сбора, анализа и обобщения данных из зарубежных и отечественных работ по выделенной проблематике.

В работе использованы, наряду с общенаучными, методы компаративистики, типологизации и качественного контент-анализа.

В результирующей части описаны новые проявления и метаморфозы кибердевиантности и киберпреступности, выполнена типологизация носителей high-tech-девиантности в условиях очередной технологической революции.

В заключительной части работы сформулированы общие выводы исследования и направления дальнейшего обсуждения темы.

Ключевые слова: девиантность, киберпреступность, интернет-зависимость, смартфон-аддикция, компьютерный эскапизм, шопинг-аддикция, кибербуллинг, кибербезопасность, консьюмеризм, глэм-капитализм, high-tech-эпоха, high-tech-девианты

Для цитирования: Комлев Ю.Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 1. С. 23-34. DOI:10.24420/KUI.2018.31.11105

The introduction discusses in detail the background, distinctive features of technological changes and risks in the modern world and also social issues, determined by their appearance in the deviantological context. Topicality and the poor knowledge of the chosen research topic.

The review of literature gives the information on the range of sources selected for gathering, review and collation of the facts of home and foreign papers on the given issue. The methods of comparativistic, classification and fine analysis of content were used along with general scientific methods.

The resulting part describes new aspects and metamorphosis of cyberdeviation and cybercrime, classification of high-tech deviated people under conditions of yet another technological revolution. At the end of the article the general study findings and ways of the further topics for discussion.

Key words: deviance, cybercrime, Internet addiction, smartphone addiction, computer escapism, shopping addiction, cyberbullying, cybersecurity, consumerism, glam-capitalism, glamour capitalism, high-tech-era, high-tech deviants

For citation: YU.YU. Komlev. Deviation and crimes in time of high-tech, consumerism and glamour capitalism // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, №1. P. 23-34. DOI:10.24420/KUI.2018.31.11105

Введение

Технологии меняют жизнь человечества не впервые. В XX веке потребовалось 50 лет, чтобы электричество стало доступным для 25% населения. Персональному компьютеру, чтобы войти в жизнь современного человека, понадобилось 16 лет, интернету – 7 лет, для социальных сетей этот срок укладывается в 5 лет – не более. Еще быстрее смартфоны потеснили мобильные телефоны, сочетая в себе достоинства повсеместно доступной сотовой связи с функционалом персонального компьютера на основе высокопроизводительной операционной системы и памяти, исчисляемой десятками и сотнями гигабайт. Голосовая и видеосвязь, почта, новости, данные о погоде, фото- и видеокамера, обработка данных, интернет, сетевое общение в режиме онлайн в одном устройстве за несколько лет коренным образом изменили социум. Никогда еще процессы инновационных технологических изменений не развивались такими высокими темпами, как в начале третьего тысячелетия – периода в обществе постмодерна, который характеризуют как high-tech-эпоха.

По терминологии И. Масуды, в «информационном обществе» компьютерные способы обработки данных и их сетевого распространения приобрели качество ключевого ресурса эпохи, сравнимого с такими природными ресурсами, как нефть, газ, уголь, золото. Под воздействием высокотехнологических нововведений в обществе, культуре и социальной практике произошли и происходят стремительные, фундаментальные социальные изменения. В настоящее время за экспансией смартфонов и планшетов последовали разработки новых квантовых компьютеров, ДНК-компьютеров, нейронных сетей, искусственного интеллекта и чудес робототехники. Новым мировым трендом стало быстрое распространение технологии распределенного реестра, или блокчейна (blockchain), для хранения и обработки данных. Эта технологическая инновация впервые была применена при реализации криптовалюты биткоин.

По прогнозам экспертов на Всемирном экономическом форуме 2018 года в Давосе, в ближайшие годы технология блокчейн станет «сердцем» будущей мировой финансовой системы. 80% банков активно ведут разработки своих онлайн-продуктов на базе распределенного реестра. Пилотные проекты с использованием блокчейна разработаны ВЭБом и Сбербанком, запущены Минэкономразвития РФ в сфере госзакупок. Технологические решения на основе блокчейна разрабатываются и внедряются не только в кредитно-финансовой сфере, но и в госуправлении, страховании, транспортной логистике и в других областях, что сулит ряд новых

и неизбежных социальных изменений. Нетрудно предположить, что и кибермошенники не дремлют и ищут пути проникновения в мир распределенных данных.

Человек в обществе постмодерна окружил себя высокотехнологичными «девайсами» и новыми технологиями обработки и хранения данных, изменил нормы и способы общения, производства и потребления. При этом существенно усилились новизна, динамизм, риски и неопределенность социальных изменений.

Как известно, американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер еще полвека назад в книге «Шок будущего» описал нарастающую скорость перемен в мире под все более усиливающимся давлением новых знаний, науки, техники, различного рода информации [1]. Он предсказал рост психологических нагрузок – футурошок как – утрату чувства реальности, умения адаптироваться и ориентироваться в жизни, вызванный страхом перед неопределенным грядущим.

Гипотезу Э.Тоффлера во многом подтвердило время, поскольку люди, чем дальше, тем больше испытывают фобии в «новом мире». Так, по данным Всемирной организации здравоохранения, в странах Северной Америки и Европы каждый десятый житель сталкивался в 2014 году с диагностируемыми психическими отклонениями и заболеваниями такого рода («болезнями перемен»). В городах с населением более миллиона человек эта цифра достигла 30% против 10% в 80-е гг. прошлого века. В Соединенных Штатах, по данным американской психиатрической ассоциации, депрессией страдают 9% населения, а согласно оценкам ведущих центров изучения общественного мнения – от 20% до 25%. В России, согласно социологическим опросам, проведенным в 2015 году среди выпускников высших учебных заведений в Москве и Санкт-Петербурге, более 40% респондентов испытывают страх перед будущим [2, с.19].

Редактор журнала Nature Клиффорд Линч в 2008 году ввел в научный оборот термин «big data» – «большие данные», характеризуя взрывной рост мировых объемов информации. Отсюда другой отличительной чертой футурошока являются нарастающие информационные перегрузки как состояние, при котором объем потенциально полезной и актуальной информации превышает возможность ее обработки средним человеком. Определение «информационная перегрузка» было впервые дано Дэвидом Боуденом в исследовании 2008 года на тему «Темная сторона информации: перегрузка, тревожность и другие парадоксы и патологии». Наглядным примером информационной перегрузки являются данные главы Alphabeth Эри-

ка Шмидта, в соответствии с которыми от начала цивилизации и до 2003 года было создано около 5 экзабайт (5 000 000 000 Гб) информации. Сегодня же человечество производит такой объем данных всего за 2 дня [2, с.20]. При этом лавинообразное нарастание количества информации характеризует не только прогресс информационных технологий, но и рост психологических, когнитивных проблем человека как участника высокотехнологичных коммуникаций.

Есть и еще одно пока малозаметное измерение футурошока, которое вызвано настоящей и особенно грядущей массовой роботизацией рабочих мест. Автоматизацией охвачены любые производства и процессы, требующие выполнения одних и тех же рутинных операций. Еще вчера это были только конвейерные линии на автомобильных и иных сборочных производствах. Однако в настоящем почти половина всей торговли на мировой бирже – это сделки, которые совершаются между роботами. Такие крупные инвестиционные банки, как Goldman Sachs и Morgan Stanley, во многом уже заменили свои трейдинговые подразделения на роботов.

В высокотехнологичном мире происходит развитие sharing economy (модели, основанной на общем использовании товаров и услуг, аренде и бартере вместо владения) с помощью онлайн-платформ на основе Uber или Uber for X. Они получили широкое применение там, где людям нужна быстрая помощь с выполнением определенных задач, за которые они не могут взяться сами и где классические сервисные компании оказываются слишком неповоротливыми, чтобы быстро удовлетворить потребности клиентов. «Юберификация» оказалась весьма эффективной в приложениях Uber-такси, в логистике при доставке больших и мелких грузов и посылок. «Яндекс-такси» в России намерен выстроить на идее юберизации «персональный общественный транспорт» как альтернативу личному автомобилю, автобусам или метро.

Роботизация и развитие систем искусственного интеллекта активно проникают в транспортные перевозки. Например, Google ищет партнеров в автомобильной индустрии для совместной работы над беспилотным автомобилем, Toyota планирует, что ее собственная беспилотная модель будет ездить по дорогам уже к 2020 году. Не только мировые автогиганты, но и отечественные Яндекс, КАМАЗ и НАМИ уже тестируют автомобили-беспилотники. Вероятно, очень скоро отпадет надобность в профессии водителя.

Совсем недавно, по открытым данным интернет-источников, на одной из китайских фабрик в Дунгуане несколькими десятками роботов заменили 90% сотрудников. Мак-Кинзи – одна из самых

крупных консалтинговых компаний в мире – подсчитала, что 45% своих работников в ближайшие 15-20 лет она сможет заменить системами искусственного интеллекта. По прогнозным оценкам специалистов, около 45% рабочих мест в США могут стать полностью автоматизированными. В Британии порядка четверти миллиона госслужащих в ближайшее время могут быть заменены интеллектуальными системами. Значительная доля людей трудоспособного возраста может выйти из состава рабочей силы в мировом масштабе благодаря росту массовой кибернетизации и роботизации.

В структуре российского рынка труда весомую часть занимают люди, занятые производственной или служебной рутинной работой. Это охранники, вахтеры, контролеры, сотрудники ОТК, водители и многие другие. Армия отечественных «синих воротничков» в 2-3 миллиона человек может в одночасье под давлением технологического прогресса остаться без работы. Риск безработицы очевиден и для представителей интеллектуальных профессий при неизбежном пришествии роботов. В Сбербанке бот уже пишет стандартные искивые заявления в суд о взыскании с должников задолженности по потребительским кредитам. Яндекс создал нейронную сеть, которая пишет музыку. Поисковые системы, электронные платежи – это тоже обучаемые определенным алгоритмам интеллектуальные системы. Интернет-банкинг широко используется в мире и внедряется крупными кредитными организациями России, что быстро вытеснит с насиженных рабочих мест тех служащих, которых нелицеприятно характеризуют неологизмом «офисный планктон».

Эксперты подчеркивают, что граница между тем, что могут делать машины, и тем, что подвластно только людям, постепенно смещается. И если рутинные операции на рабочем месте подвергаются алгоритмизации и программированию, то очень скоро оно неизбежно будет замещено роботом. Вне всякого сомнения, рутинная работа у роботов будет получаться значительно быстрее, лучше, дешевле, с полным исключением ошибок, вызванных «человеческим фактором».

Таким образом, технологическая революция, информатизация, кибернетизация, интернетизация и роботизация социума эпохи постмодерна спровоцировали процесс его дальнейшей девиантизации. Инновации, увы, создают не только прогрессивные социальные изменения, порождая новый тип общества, культуры и уровень благосостояния, но и производят технологически детерминированные формы фобий, девиантности и преступности. Эта актуальная научно-практическая проблема исследуется девиантологами, социологами, правоведами и, тем не менее, все еще остается малоизученной.

Обзор литературы

Работа подготовлена на основе изучения широкого круга зарубежных англоязычных источников и исследований отечественных авторов, в том числе представленных в свободном доступе в интернет-пространстве. К числу совершенно новых исследований нужно отнести работу полицейского аналитика Марка Гудмана (Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It, 2015) и труд отечественных исследователей Лариной Е.С. и Овчинского В.С. (Криминал будущего уже здесь, 2017.), а также публикации российских девиантологов Я.И. Гилинского, Ю.Ю. Комлева и других авторов на заданную тему [2;3;4;5;6].

Материалы и методы

В данной статье предпринята попытка систематизировать эмпирический материал, собранный и обработанный автором с помощью метода контент-анализа в иностранных и отечественных источниках по вопросам детерминации, распространения и описания различных проявлений кибердевиантности и киберпреступности, вызванных ускоренным развитием и внедрением инновационных технологий, ростом консьюмеризма в условиях глэм-капитализма. На основе типологизации выделены и структурированы известные и новые виды кибердевиантности, и носители девиантного поведения в киберпространстве.

Результаты исследования

В ускользящем настоящем быстро распространяются и начинают доминировать такие новые формы девиантного поведения, как киберпреступность, интернет-зависимость, смартфон-аддикция, шопинг-аддикция, компьютерный эскапизм, кибербуллинг и другие отклонения.

Компьютерный век породил виртуальную реальность как симуляцию, как замещение реального мира в киберпространстве компьютерных сетей. Киберпространство постоянно заполняется всевозможными фантазийными мирами, которые затягивают не только детей и подростков, «подсевших» на компьютерные игры, но и вполне взрослых людей.

С распространением Интернета во всем мире глобальным явлением стал рост социальных сетей. Социальные сети стали формироваться как интерактивные многопользовательские веб-сайты, контент которых наполняется самими участниками виртуального общения [7, с.278]. О признаках сети свидетельствует наличие блогов – интернет-дневников, где люди представляют себя, объединяются в сообщества по интересам. Более 30 процентов пользователей российского интернета сегодня имеют свои блоги. Рост числа сетевых пользователей происходит по экспоненте. Так, в марте 2007 года

их было 500 млн, в октябре 2011 пользователей Facebook – уже около 1,5 млрд. Другим сетевым гигантом является сетевой ресурс Youtube. Количество страниц с видеозаписями только на этом ресурсе уже перевалило за 1 трлн. Ежемесячно этот сайт посещает около 450 млн пользователей. Согласно результатам мониторинга в открытых интернет-источниках, в мире насчитывается более 2,5 млрд аккаунтов в различных социальных сетях.

По данным компании World Wide Web Size, более чем на 644 млн сайтов размещается более 8 млрд интернет-страниц, в том числе и создаваемых самими пользователями. В конце 2017 года общий объем информации в мировой сети составлял около 1,8 зеттабайта [8]. В настоящее время социальными сетями пользуются 82% от всех интернет-пользователей.

Посещение социальных сетей – самая популярная в мире интернет-активность. Тревожным сигналом, по оценкам девиантологов, является рост интернет-зависимости среди юных пользователей. Так, 70% российских детей ежедневно заходят в интернет (около трети имеют свои профили), а 10% детей страдают выраженной интернет-зависимостью.

Многие аналитики считают, что именно в сетевом направлении интернет и будет развиваться в ближайшем будущем. Социальные сети – это новый глобальный технологический и культурный феномен high-tech эпохи. Высокий уровень сетевой экспансии отражает один из главных трендов глобальной сети – как только люди подключаются к интернету, они незамедлительно начинают сетевое общение.

За последние несколько лет количество часов, которое интернет-пользователи провели в социальных сетях, увеличилось втрое. Использование сетевого общения стало самым массовым занятием интернет-аудитории. Увеличение времени на обращение к социальным сетям произошло за счет уменьшения частоты обращений к электронной почте и мессенджерам.

Самой популярной в мире социальной сетью является Facebook. Ее посещают 55% интернет-пользователей. На конец 2011 года доля сетевой интернет-аудитории колебалась от 53% в Китае до 98% в США (в КНР выход в Facebook заблокирован властями). В 41 стране из 43 этот уровень превышает 85%. В России сетевой сегмент составляет 88%. Не менее популярным в последние годы становится использование микроблоговых платформ. Так, каждый десятый пользователь интернета имеет аккаунт в Twitter. Среди других быстро набирающих популярность микроблоговых платформ следует назвать китайскую SinaWeibo [9]. Экспансия сетевого общения продолжает расти, вызывая массо-

вую сетевую зависимость и интернет-аддикцию в целом.

Девиантологи обращают внимание на развитие новых девиантных практик, опосредованных технологиями. Это не только сетевая аддикция, но и компьютерный эскапизм. Если природа сетевой зависимости в интернет-пространстве связана с дефицитом человеческого общения в современном урбанизированном мире, с его симуляцией технологическими средствами, то природа компьютерного эскапизма состоит в «бегстве от повседневной действительности». Компьютерные симуляции и Интернет предложили человеку новый способ ухода от действительности, не сопряженного ни с тяготами путешествий, ни с внутренней напряженностью религиозного опыта или медитации, ни даже с интенсивным эстетическим переживанием произведения искусства. Погружение эскейперов в виртуальный мир – это нередко бегство от неудач, скуки и «гнета повседневности», это и протест против запрограммированности и рутины повседневной жизни.

Виртуальный мир, создавая яркие и привлекательные образы и сильные ощущения, зачаровывает своих посетителей. К сожалению, некоторые эскейперы, погружаясь в виртуальное пространство, могут прийти до «точки невозврата» – такого момента, когда путь назад в обыденность, становится затруднительным или нежеланным, а человек утрачивает способность различать «первичную» и «виртуальную» реальности. Виртуальная реальность Интернета на некоторых субъектах действует как наркотик, вызывая зависимость, которая получила название «синдром альтернативного мира». Как и любая другая аддикция, компьютерный эскапизм нередко приобретает патологические формы. В своем экстремальном выражении он может привести к изменению сознания, к заболеванию, к полному и окончательному уходу в форме суицида.

Исследования Бэйлорского университета показали, что у некоторых студентов формируются смартфон-аддикции. Они используют свой гламурный «чудо-телефон» от 8 до 10 часов в течение суток. В среднем около 94,6 минут уходят на набор текстовых сообщений, 48,5 минут на отправку и просмотр электронной почты, 38,6 минут на общение в социальных сетях, 34,4 минуты на посещение сайтов Интернета, 26,9 минут на прослушивание музыки. При этом 60% опрошенных студентов не скрывают, что зависимы от своих мобильных телефонов. Некоторые из них утверждают, что начинают переживать и волноваться, если не находят свой телефон в поле зрения. Некоторые приложения, например, Instagram и Pinterest, могут показать, насколько студент зависим от смартфона. «При увеличении возможностей и функций мобильного телефона зависимость к этому, казалось бы,

незаменимому устройству становится все более реальной проблемой», – уверяет исследователь Джеймс Робертс [10]. Смартфон-аддикция – это новый тип современной высокотехнологичной девиантности.

В киберпространстве Интернета, а затем и во всех остальных сферах деятельности (политике, экономике, сфере культуры, социализации и социального контроля), следуя логике виртуализации, происходит замещение социальных практик образами-симуляциями [11;12;13,с.9-20]. Действительно, на современном рынке перед потребителем конкурируют бренды, а не реальные свойства товара; в политике потребитель политических услуг выбирает образ политика, а не его реальные качества и практики; в киберпространстве сети Интернет хакеры воруют не реальные банкноты, а их виртуальные аналоги. Девиантность и преступность перешагнули из социальной реальности в реальность виртуальную.

Как известно, радикальные изменения в технологиях, духовной и материальной культуре, образе жизни людей второй половины XX столетия в промышленно развитых странах позволили Дж. Гэлбрейту выделить в «новом индустриальном обществе» рост потребления как его базовую черту. Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления» (1970) постулировал новую роль потребления, которое охватывает все сферы жизни современного человека. Ж. Шор описала новый феномен сверхпотребления на этапе постмодерна в книге «Сверхрасходующие американцы» (1998). Массовое потребление товаров и услуг в постиндустриальном мире породило повседневную философию консьюмеризма как систему доминирующих идей и ценностей потребительского поведения. Однако эти перемены сформировали не только новые ценности и нормы потребления, но релятивизировали и транспонировали некоторые ценности индустриальной эпохи. В «обществе потребления» стало приветствоваться то, что осуждалось в пору индустриального капитализма.

В результате появилась еще одна новая форма негативной девиантности, связанная с гиперпотреблением, – шопинг-аддикция. Шопингманы в определенные дни недели берут приступом гипермаркеты, ради товаров, продающихся по скидкам. С развитием информационных технологий гипертрофированное киберпотребление распространилось не только на информационно-телекоммуникационные услуги, но и сетевые товары. Многие люди проводят все свое свободное время в Интернет-магазинах ради поиска дешевых, как правило, модных (брендовых или гламурных), но не совсем нужных товаров. Кибершопинг-аддикция стала технологически возможной благодаря тому, что практически любой индивид имеет компьютер (и не один), смартфон и постоянный доступ в Интернет. По оценке экономиста Д.

Койл, доля высокотехнологичных сетевых товаров в общем объеме экономики постоянно растет, особенно в таких отраслях, как массовые коммуникации, сфера развлечения и финансов [14, с.156]. У. Бек (1986), описывая характеристики современного мира, вводит понятие «общество риска». У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, С. Лаш, Б. Тернер обращают внимание на то, что рост благосостояния сопровождается напряжением и рисками на рынке труда (сокращаются рабочие места, необходимо постоянно менять профессии), в сфере экологии (загрязняется окружающая среда). Модернизация рассматривается не только как источник различных благ (богатства, плюрализма, либерализма и др.), но и как источник экологических, экономических, политических и иных рисков. В сфере девиантности размываются нормы, дифференцируются отклонения, растет преступность и армия девиантов. Причем в «обществе потребления» страховать от количественного и качественного возрастания рисков становится все сложнее. М. Фуко, анализируя роли дисциплинарных институтов (бюрократии, формального социального контроля) в постиндустриальном обществе, определяет его современное состояние как «дисциплинарное», где власть имущие поддерживают порядок с помощью институтов формального социального контроля и принуждения, «административного ресурса», в том числе над потоками информации.

Все эти перемены основательно отчуждают индивида от общества и государства, способствуя дальнейшей девиантации и криминализации социума. Теоретики девиантности и социального контроля (Т. Матисен, Н. Кристи, Я. Гилинский и др.) поставили роковой диагноз дисциплинарному обществу массового потребления, обозначив его метафорой кризис «наказания» или полицейского контроля [15, с. 522-523].

Современная Россия, как и другие страны, вошла в эру массовой информатизации. Российское общество, несмотря на кризисы, переживает потребительский бум, что еще 15-20 лет назад было трудно представить. По мысли Д.В. Иванова, вследствие развития феномена виртуализации в информационном обществе и сверхпотребления определенной его части на этапе постмодерна стал формироваться современный глэм-капитализм [16]. Глэм-капиталисты не живут по законам индустриального общества. Они в каждом новом проекте капитализируют броские образы гламура, превращая их в новый технологичный источник баснословных доходов. Сверхновые буржуа, или «бобосы», как только источник дохода теряет максимальную отдачу, тотчас переходят к другому перспективному глэм-проекту.

Эти новые капиталисты как правообладатели изобретений, бизнес-идей, текстов, музыки, контролируя самые притягательные бренды, быстро сколачивают состояния. Их бизнес – создание продукта, привлекательного для лидеров консьюмеризма – шопингманов. Они ориентируются на «потогонное» потребление, а не на трудовую этику традиционных буржуа, описанную М. Вебером. Отсюда, глэм-капиталисты – лучше других занимаются «созидательным разрушением», ниспровергая социальные нормы индустриального общества. В современном постиндустриальном, потребительском, дисциплинарном, информационном обществе, переходящем, следуя логике сверхпотребления, информационно-технологического детерминизма и виртуализации, в глэм-капитализм, негативная девиантность в форме сетевой аддикции, компьютерного эскапизма, шопинг-аддикции и, особенно, киберпреступности стала не только трудно отличимой от нормативности, но и малоизученной и трудно контролируемой формой социального бытия.

Эпоха high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма постоянно синтезирует и воспроизводит новые технологически и культурно обусловленные практики социальных отклонений и деликтов. Неслучайно ряд зарубежных и отечественных девиантологов (С. Спитсер, Д. Доунс, П. Рок, Ф. Шмаллегер, Г. Барак, Я. Гилинский, Я. Костюковский, Ю. Комлев и др.), исследуя эти метаморфозы, обращают внимание на масштабы и проблематику различных проявлений девиантности и преступности. Криминализация ряда деяний в России, связанных с правонарушениями в компьютерной сфере, произошла только с принятием УК РФ 1996 года (гл.28). В 1997 году было зарегистрировано 33 преступления, а в 2005 – 10214, то есть их количество выросло в 310 раз [17, с. 376].

Понятие «киберпреступность» как разновидность девиантности включает различные формы преступной активности не только в связи с использованием компьютеров или в «компьютерной сфере», но и деликты, совершаемые в киберпространстве благодаря повсеместному использованию интернета, умных мобильных устройств и новых технологий в повседневной жизни людей. Киберпреступность принимает много разных форм. Она включает: хищение идентификационных данных, интернет-мошенничество, нарушение законов об авторском праве, «взламывание» компьютерных систем, создание и распространение полиморфных вирусов и DDoS-атаки, распространение спама, фишинг, создание порнографических сайтов с сексуальным насилием против несовершеннолетних, киберсталкерство и кибербуллинг и другие.

Современные исследователи киберпреступности в рамках интегративного междисциплинарного подхода все больше концентрируются на изучении ряда новых проблем:

- использование инновационных технологий хранения данных в киберпространстве (например, при хищении криптовалюты);
- влияние распространения социальных сетей на киберпреступность;
- использование сетевого фактора в кибертерроризме;
- изучение поведения жертв и преступников в киберпространстве;
- разработка политики и инструментов по обеспечению кибербезопасности;
- защита инфраструктуры от киберпреступности [18].

Незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного преступника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4%. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность [19]. Не случайно в последние годы при существенном сокращении уличной, насильственной преступности, как в мире, так и России, криминальная активность никуда не исчезла, а постепенно сместилась в виртуальную сферу интернет-пространства, где «чувствует себя хорошо», поскольку там практически не работает принцип неотвратимости наказания.

Велик и постоянно растет ущерб от киберпреступлений. Так, федеральное управление уголовной полиции Германии зарегистрировало около 60 000 киберинцидентов в 2010 году. Совокупный ущерб от сетевых киберпреступников в этой стране – одной из самых развитых экономик мира – составил в указанный период, по оценкам полиции, 61,5 млн евро [7].

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 миллиардов долларов. Для сравнения, годовой ВВП Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 миллиардов долларов. Для защиты глобального киберпространства в Давосе было заявлено о создании Глобального центра кибербезопасности, целью которого является учреждение первой международной платформы для правительств, компаний, специалистов и правоохранительных органов, предназначенной для сотрудничества по преодолению проблем кибербезопасности [20].

Таким образом, понадобилось всего тридцать высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера до уровня массовых киберпреступлений, который выступает сегодня как новая глобальная криминальная угроза.

Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд констатаций и обобщений, характеризующих современную кибердевиантность и киберпреступность:

1. Девиации и преступления широко распространились в информационной сфере. Незаконный доступ к информации – легкий путь к обогащению и недобросовестной конкуренции при использовании патентов на новые продукты, на химический состав инновационных и эффективных лекарств, на корпоративные маркетинговые стратегии и бренды, на финансовые ресурсы корпораций. Преступность в информационной сфере приобретает все более изощренные и слабо контролируемые формы. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах пользуется интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат – явное следствие незаконного доступа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний.

2. Похищение программных продуктов. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний-разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов – еще один путь к девиантности и нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта.

3. Похищение конфиденциальной информации. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разработанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека.

4. Уничтожение или изменение частных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый преце-

дент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесом с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение.

5. Технологические инновации и развитие сети Интернет послужили толчком для бурного развития компьютерной преступности и незаконной деятельности хакеров. По оценкам аудиторской фирмы Ernst & Young, стоимость компьютерных преступлений в такой высокотехнологичной стране, как США, еще в 1996 году составляла от 3 млрд до 5 млрд долларов в год. Впрочем, реальные финансовые потери бизнеса от преступников в мире компьютеров существенно далеки от экспертных данных [21]. Хакеры сегодня могут атаковать не только информационные системы банков или военных ведомств, но и активировать управляемую компьютером «радионяню», чтобы шпионить за семьями. Киберворы анализируют посты социальных медиа, чтобы подготовить домашние вторжения. Киберсталкеры эксплуатируют GPS по смартфонам, чтобы отследить каждое движение их жертв. Современные киберпреступники могут обнулить банковские счета, стереть содержание компьютерных серверов. До настоящего времени нет компьютерной системы, которую невозможно взломать.

6. Киберсталкеры. В отечественной литературе, кроме работ Я.И. Гилинского, практически нет упоминаний о девиантах-сталкерах и киберсталкерах (stalkers – упорные преследователи, «охотники»), в отличие от публикаций зарубежных психиатров и криминологов [22]. Речь идет о девиантах, преследующих кого-либо с использованием различных, в том числе современных, технологических средств, прежде всего, сети интернет и сотовой связи. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья), а также сослуживцы, коллеги по профессии. Нередко это явление рассматривают как результат психических расстройств. Суть сталкерства определяется как постоянное преследование жертвы, вызванное мстью, ревностью, завистью, с помощью современных технологий, коммуникативных средств и иных приемов с целью вызвать у нее чувство страха. В прежние времена сталкеры пользовались слежкой, почтовыми отправлениями, прессой. Арсенал современного сталкера включает интернет-ресурсы, телефонные звонки, SMS-сообщения, звонки и сообщения с помощью Skype, обычные и электронные письма, граффити, сообщения в печатных и электронных СМИ. Сталкер может постоянно напоминать о себе в сетевом общении, с помощью электронной почты. Он может приблизиться к жерт-

ве, или обозначить свое присутствие, или следовать за ней, или держать ее дом под видеонаблюдением, с размещением информации в e-mail отправлениях. Преследование может проявляться и как заказ товаров от имени жертвы в интернет-магазине, отправка незапрашиваемых материалов, инициирование поддельных судебных исков (Маллен, 1999). Преследование нарушает частную жизнь жертвы и вызывает у нее непреодолимый страх перед насилием. Такие страхи оправданны, поскольку угрозы, материальный ущерб и нападения происходят слишком часто в процессе преследования. По данным зарубежных исследователей, жертвами сталкеров являются от 1 до 2 % женщин. Физическое насилие происходит приблизительно в каждом третьем случае.

7. Новой разновидностью киберсталкерства стал кибербуллинг, обращенный, как правило, к детям и незащищенным социальным группам. Он осуществляется в форме травли, оскорблений или угроз, распространяемых путем рассылки сообщений в социальных сетях, по e-mail или СМС. Любое унижительное, оскорбительное или угрожающее сообщение, отправленное в электронной форме, является кибербуллингом. Кибербуллинг – один из самых губительных типов онлайн-атак. С широким вовлечением детей и подростков в виртуальный мир социальных сетей и смартфонов быстро распространился этот новый вид высокотехнологичного социального насилия. В детской среде кибербуллинг проявляется в отправке жертве сообщений с угрозами публикации унижающих достоинство жертвы фотографий и видео в социальных сетях или даже в создании поддельных веб-сайтов, нацеленных на унижение и оскорбление жертвы. Информационные технологии позволяют сохранить анонимность кибербуллеру и вытекающую из этого безнаказанность. Дети – получатели месседжей, не могут определить, кто является источником их мучений, боятся мести за привлечение к проблеме родителей и учителей. Отсюда абсолютно каждый юный владелец смартфона или планшета, использующий Twitter, WhatsApp, Snapchat, Facebook, YouTube или любую другую программу, создающую социальную сеть, может стать мишенью для кибербуллинга. Последствия же кибербуллинга нередко имеют печальный психологический или даже фатальный исход в форме суицида.

8. Преступниками стали вредоносные вирусные программы, созданные для автоматизации киберпреступлений. Они могут действовать как программы-вымогатели, которые зашифровывают персональные данные и заставляют пользователей сети платить. Они могут способствовать краже или поломке автомобиля, поскольку современная машина на колесах во многом работает под управлением бортового компьютера. Современный автомобиль,

сошедший с конвейера в последние несколько лет, имеет более 200 микрочипов. Бортовой компьютер посредством программного обеспечения контролирует радиоприемник, GPS, подушки безопасности, систему круиз-контроля, спидометр. По заданию хакера он может быть взломан с преступной целью. Бот-сети из тысяч зараженных компьютеров могут быть использованы хакерами против банков, компаний и правительств. Времена, когда преступления в Интернете совершались опытными одиночками, первыми программистами-хакерами, уже прошли. Сегодня любой нездоровый преследователь или киберсталкер, недовольный работник или начинающий террорист может купить вредоносную программу, чтобы взломать компьютер, смартфон или счет в банке. Эта угроза распространяется в мире постмодерна с геометрической прогрессией. Это значит, что, даже находясь в тюрьме, «оснащенный» преступник может совершать безнаказанно киберпреступления.

9. Несанкционированное копирование и тиражирование программных продуктов. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в 1996 году составили 11,2 млрд долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно [21].

10. Телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к сотовому телефону практикуется уже несколько десятков лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время широко используются взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности телефонных фрикеров.

Фрикер-воровство и мошенничество стало острой проблемой в современной России в связи с массовым распространением смартфонов на платформе Андроид. Фрикеры заражают смартфоны специальными программами и списывают деньги с банковских счетов своих жертв, поскольку в памяти смартфонов хранится множество важных личных данных: от баланса банковской карты до паролей и логинов.

11. Кибермошенничество в банковской сфере. Преступники пользуются тремя основными

приемами хищений при использовании интернет-банкинга.

Первый способ осуществляется с помощью СМС-банкинга. Вирусная программа в этом случае перехватывает все СМС, приходящие на мобильный телефон. Затем преступник переводит денежные средства себе на счет с помощью программы «Мобильный банк». При этом хозяин смартфона не получает уведомлений о том, что с его счета в банке списана сумма. Обычно это мелкие и средние хищения.

Второй способ – использование кибермошенниками фишинговых сайтов. При использовании фишинга клиент банка может быть введен в заблуждение с помощью муляжа web-сайта банка. Псевдосайт практически не отличается от оригинала. Он разработан так, чтобы выманить личные регистрационные данные, с помощью которых осуществляется доступ к счетам и финансовым средствам. Например, одна из наиболее опасных кибератак этого типа может выглядеть следующим образом.

Фишер, воспользовавшись широко доступными базами web-адресов, рассылает сообщение, в котором под благовидным предлогом предлагается подтвердить клиенту банка ту или иную персональную информацию. Подтверждение данных делается по гиперссылке, через которую якобы инициируется соответствующий диалоговый интерфейс. На экран компьютера клиента при этом выводится изображение, идентичное тому, которое воспроизводится при работе с кредитной организацией через интернет-браузер. Однако адресная строка, которую видит клиент, представляет собой фальшивый элемент изображения. Он формируется JavaScript'ом и накладывается на изображение настоящей адресной строки, в которой теперь стоит (но не виден) адрес сайта фишера, с которым реально имеет дело клиент. Для убедительности в адресной строке преступником имитируется наличие защищенного соединения (https://), на изображении присутствует программная кнопка «Переход» («Со»), а в фальшивой адресной строке при желании можно печатать настоящий адрес банка. Клиент, ничего не подозревая, вводит свой логин и пароль, а преступник, получая эти данные, переводит деньги на свой счет.

Это лишь один из немногих недавно изобретенных вариантов кибермошенничества. По статистике, на эту уловку попадают примерно 5% клиентов интернет-банкинга.

В третьем случае фриеры используют Google Play. Поддельное окно появляется каждый раз, когда держатель мобильного телефона заходит в это популярное приложение и там же он указывает данные своей карты в случае интернет-покупки приглянувшейся программы. Практически во всех

указанных случаях киберворы и мошенники остаются безнаказанными.

12. Девиантная киберпанк-субкультура криминальных хакеров и фрикеров. Компьютерные преступления и хулиганства совершаются в виртуальной реальности киберпространства, которое конструируют информационные high-tech-технологии и психология человека, взаимодействуя в электронной сети. Киберпространство – это место, где компьютеры и человеческие существа сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, удовлетворяя потребность в симуляциях реального мира, которые активно стимулируют своими сверхпотребительскими проектами глэм-капиталисты. Виртуальная среда дает возможность бесконечных анонимных межличностных контактов, ролевых игр, общения, наслаждений и сделок. Рост числа эскейперов, киберпреступников и других пользователей сети Интернет, разделяющих ценности девиантной киберпанк-субкультуры, формирует в условиях релятивизации базовых норм индустриального капитализма тенденцию увеличения количества компьютерных девиаций и преступлений. Среди них: воровство и пиратское тиражирование компьютерных программ, бесплатные междугородные телефонные переговоры, несанкционированный доступ к компьютерам, мошенничество с кредитными картами (денежные авансы и несанкционированные закупки товаров), создание и тиражирование компьютерных вирусов.

13. В киберпространстве получают все более широкое распространение крупные электронные платежи виртуальными деньгами, существующими в виде битов на компьютерах сервис-провайдеров банков. Взлом защиты компьютера снабжает хакеров информацией, которая помогает быстро и легко отправлять большие суммы денег в любую точку мира. Несмотря на многомиллиардные «электронные» сделки, происходящие каждый день в мире бизнеса, не существует точных данных в отношении убытков, понесенных в таких операциях компаниями и частными лицами. Они отсутствуют из-за того, что высокотехнологичный уровень преступников настолько эффективен, что не позволяет установить даже момент утечки крупных денежных сумм.

14. Девиантологи считают совокупность компьютерных преступлений хакеров, фрикеров, сталкеров новой формой преступности «белых воротничков». Действительно, их объединяет то, что:

- киберпреступления совершаются без использования насилия с помощью высокотехнологичного оборудования;
- последствия этих преступлений в глазах общественного мнения выглядят как менее опасные, чем деликты с применением физического насилия;

- преступники имеют доступ к компьютерам, информационным технологиям и технические навыки;

- их действия обычно связаны с манипуляцией информацией, которая прямо или косвенно создает прибыль или убытки;

- киберпреступления могут быть совершены одним человеком или несколькими людьми в сговоре, в том числе организацией;

- киберпреступления крайне латентны, их трудно обнаружить;

- для предотвращения таких высокотехнологичных преступлений требуется сочетание правовых, технических, социально-психологических знаний, а также знаний из области безопасности, аудита, менеджмента.

15. Типология high-tech-девиантов. Одна из самых простых классификаций может быть построена на основе психологических характеристик хакеров и фрикеров, стремящихся к девиантному самовыражению или к получению компенсации за чувство личной неполноценности. Среди них можно выделить:

- пионеров – лиц, которые используют новейшие компьютеры, технологии сотовой связи и интернета;

- хулиганов, обуреваемых чувством обиды;

- гедонистов – тех, кто получает удовлетворение от вскрытия защиты новых компьютерных систем. Чем дальше такая система удалена географически от хакера, тем больше уровень удовольствия от взлома;

- вандалов – злоумышленников, которые намеренно стремятся причинить вред без видимой выгоды для себя;

- наркоманов или компьютерных «ботаников», у которых сформировалась аддикция, поэтому жить без взломов компьютерных программ они не могут.

Обсуждение и заключения

Таким образом, в эпоху постмодерна, в мире high-tech-технологий, консьюмеризма и глэм-капитализма носители девиантного и криминального поведения изошренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Современные девианты и преступники широко применяют не только огнестрельное оружие, телефон, лекарственные препараты, транспорт, но и компьютеры, сотовую связь, интернет. Сами кибердевианты и их незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразны, как и сами технологии. Представляется необходимым продолжить девиантологическую дискуссию в заявленном предметном поле и развить исследовательские подходы к изучению новых проявлений киберстокерства и, прежде всего, кибербуллинга, чреватого серьезными последствиями для здоровья и жизни детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017.
3. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД России, 2016.
4. Комлев Ю.Ю. Преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник ВЭГУ. 2013. №1.
5. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2017.
6. Панфилова Е.И., Попов А.Н. Компьютерные преступления. СПб., 1998.
7. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография/ под ред. Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012.
8. Что такое WEB 2.0 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bistro-site.ru/articles/web2>
9. Социальные сети в 2011 году: исследование comScore [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cossa.ru/articles/149/11382/>
10. Студенты страдают зависимостью от смартфонов [Электронный ресурс]. URL: [http://www.4pda.ru/Архив за 2014 год/8/31/173735](http://www.4pda.ru/Архив%20за%202014%20год/8/31/173735)
11. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
12. Иванов Д.В. Императив виртуализации: современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.
13. Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С.9-20
14. Койл Д. Секс, наркотики и экономика. Нетрадиционное введение в экономику / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
15. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013.
16. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
17. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.
18. Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space [Электронный ресурс] // URL: <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime>
19. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.
20. ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php>
21. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.
22. Meloy J.R. The psychology of stalking. In: The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives, Meloy J.R., ed. San Diego: Academic Press, 1998.

REFERENCES

1. Toffler E.H. SHok budushchego: per. s angl. M.: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2002.
2. Larina E.S., Ovchinskij V.S. Kriminal budushchego uzhe zdes' («Kollekciya Izborskogo kluba»). M.: Knizhnyj mir, 2017.
3. Komlev YU.YU. Integrativnaya kriminologiya: deviantologicheskij ocherk. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2016.
4. Komlev YU.YU. Prestupnost' v ehpohu high-tech, kons'yumerizma i glehm-kapitalizma // Vestnik VEHGU. 2013. №1.
5. Larina E.S., Ovchinskij V.S. Kriminal budushchego uzhe zdes' («Kollekciya Izborskogo kluba»). M.: Knizhnyj mir, 2017.
6. Panfilova E.I., Popov A.N. Komp'yuternye prestupleniya. SPb., 1998.
7. Deviantnost' v obshchestve potrebleniya: kollektivnaya monografiya/ pod red. YA.I. Gilinskogo i T.V. SHipunovoj. SPb.: Izdatel'skij dom «Alef-Press», 2012.

8. Что такое WEB 2.0 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bistro-site.ru/articles/web2>
9. Social'nye seti v 2011 godu: issledovanie comScore [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cossa.ru/articles/149/11382/>
10. Studenty stradayut zavisimost'yu ot smartfonov [Электронный ресурс]. URL: <http://www.4pda.ru>
Архив за 2014 год 8/31/173735
11. Ivanov D.V. Virtualizaciya obshchestva. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000.
12. Ivanov D.V. Imperativ virtualizacii: sovremennye teorii obshchestvennyh izmenenij. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002.
13. Komlev YU.YU. Organy vnutrennih del i sredstva massovoj informacii: ot obshchestvennoj osvedomlennosti k optimal'nomu vzaimodejstviyu. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 2001.S.9-20
14. Kojl D. Seks,narkotiki i ehkonomika. Netradicionnoe vvedenie v ehkonomiku / per. s angl. 2-e izd., ispr. M.: Al'pina Biznes Buks,2005.
15. Gilinskij YA. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij». 3-e izd., ispr. i dop. SPb.: Izdatel'skij Dom «Alef-Press», 2013.
16. Ivanov D.V. Glehm-kapitalizm. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2008.
17. Gilinskij YA.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, ehmpiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. 2-e izd. pererab. i dop. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2009.
18. Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space [Электронный ресурс] // URL: <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime>
19. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.
20. VEHF anonsiroval sozdanie Global'nogo centra kiberbezopasnosti [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php>
21. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.
22. Meloy J.R. The psychology of stalking. In: The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives, Meloy J.R., ed. San Diego: Academic Press, 1998.

Об авторе: Комлев Юрий Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

e-mail: levkom@list.ru

© Комлев Ю.Ю., 2018

Статья получена: 06.02.2018. Статья принята к публикации: 15.03.2018.

Статья опубликована онлайн: 20.03.2018.

About the author: Komlev YUrij YU., Dr. habil.of Sociology, professor of Kazan Law Institute of Russia of MIA of Russia

e-mail: levkom@list.ru

Автор прочитали и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.